

— Я долго вынашивала этот план, чтобы одним ударом убить двух зайцев: не только избавиться от Шэнь Цзюньжу, но и возложить вину за отцеубийство на Шэнь Юйчжу. После этого я могла под предлогом траура расторгнуть помолвку. Без Шэнь Цзюньжу как опоры Вэй Имин наверняка отказался бы от меня. А спустя время я могла бы, прихватив несметные богатства Дома Шэнь, сбежать с моим двоюродным братом!

Шэнь Ичань закрыла глаза и горько вздохнула. — Я считала свой план безупречным, но... даже у мудреца бывают промахи. Не ожидала, что вы двое окажетесь столь проникательными и раскроете мою уловку, да ещё и что Ся Хэ спрячет тот халат. Видно, само небо мне не благоволит...

Выслушав повествование Шэнь Ичань, Гу Хуайцин на мгновение онемел, но Дуань Минчэнь продолжил расспросы:

— А как насчёт Се Хуэйлань? Зачем она взяла на себя вину? Была ли она твоей сообщницей?

Шэнь Ичань покачала головой:

— Нет, с самого начала она не была замешана. Я лишь рассказала ей, как дома меня притесняют наложница Цзян и Шэнь Юйчжу, и выразила надежду, что она поскорее родит отцу наследника, чтобы помочь мне справиться с этой матерью и сыном. Я дала ей рецепт отвара, поднимающего ян, и благовоние, разжигающее страсть. Хуэйлань по природе своей добра и простодушна, поэтому она поверила. Хотя она и питала отвращение к Шэнь Цзюньжу, но ради меня день за днём докучала ему...

— Позвольте мне быть откровенным, — вмешался Гу Хуайцин. — Возможно, Се Хуэйлань не была в полном неведении относительно ваших намерений. По крайней мере, она догадалась, что убийца — вы, поэтому и решила взять вину на себя, чтобы защитить. Честно говоря, даже родные сёстры вряд ли способны на такое. Она была готова умереть за вас — это поистине непостижимо...

Перед глазами Гу Хуайцина промелькнула сцена, где Се Хуэйлань со слезами пела «Ароматную спутницу». Внезапно в его голове блеснула догадка:

— Неужели она к вам...

За ширмой раздались торопливые шаги. Се Хуэйлань спустилась с лежанки, её раненый лоб был обмотан белой тканью, а глаза распухли от слёз, словно персики.

— Зачем ты встала? — спросила Шэнь Ичань.

Се Хуэйлань внезапно обхватила Шэнь Ичань и с горькой нежностью произнесла:

— Неужели ты до сих пор не понимаешь моих чувств? Ичань, я за тебя готова умереть!

Шэнь Ичань поддержала Се Хуэйлань, взгляд её был сложным. — Хуэйлань, я же говорила: мы обе женщины. Как мы можем быть вместе? К тому же, ты ведь знаешь, в моём сердце лишь Юйлоу.

— Знаю, всё знаю! Поэтому позволь мне умереть вместо тебя, чтобы ты могла быть с генералом Ло! Ичань, мне будет достаточно твоего счастья, правда...

Обливаясь чистыми слезами, Се Хуэйлань вдруг опустилась на колени перед Дуань Минчэнем

и Гу Хуайциным, умоляя:

— Господа, умоляю вас, пощадите Ичань! Я уже призналась в преступлении, позвольте мне заменить её, умоляю...

— Не глупи, Хуэйлань. Я изначально не посвящала тебя в это, чтобы не впутывать. Теперь, когда всё зашло так далеко, как я могу допустить, чтобы ты погибла невинно? — Шэнь Ичань удержала взволнованную Се Хуэйлань и обернулась к Дуань Минчэню и Гу Хуайцину. — Господа, не могли бы вы выйти на мгновение? Дайте нам поговорить наедине.

Дуань Минчэнь и Гу Хуайцин переглянулись и молча вышли из комнаты, оставив двух несчастных женщин наедине.

Оставшись вдвоём, они погрузились в гробовое молчание.

Гу Хуайцин ощутил тяжесть в груди, его взгляд рассеянно устремился в угол, где когда-то пышно цвела красная слива, а теперь её лепестки, подобные каплям крови, усеяли пол.

Вскоре из комнаты донёсся звук чего-то упавшего, а следом — отчаянный женский крик.

Дуань Минчэнь и Гу Хуайцин бросились внутрь и увидели Шэнь Ичань, безвольно склонившую голову на груди Се Хуэйлань. У их ног лежал разбитый зелёный флакончик.

— Ичань, ты... не умирай... Ичань... — Се Хуэйлань, разрываясь от боли, дрожащими руками гладила лицо Шэнь Ичань, слёзы катились градом.

Лицо Шэнь Ичань было бледным, как снег, дыхание прерывистым, а щёки и губы отливали неестественным ярким румянцем.

Она с трудом подняла руку, чтобы стереть слёзы с уголка глаза Се Хуэйлань:

— Хуэйлань... про... прости... живи... хорошо...

Не успев договорить, Шэнь Ичань затряслась в судорогах, из уголка рта хлынула чёрная кровь. Её прекрасные глаза помутнели, потеряли блеск, тело перестало биться, и она затихла в объятиях Се Хуэйлань.

Се Хуэйлань, обнимая постепенно холодеющее тело Шэнь Ичань, смотрела на неё с пустым, безумным взглядом, долго не произнося ни слова.

Прошло много времени. Дуань Минчэнь и Гу Хуайцин уже начали беспокоиться, не сойдёт ли она с ума от горя, но не знали, как утешить.

Внезапно Се Хуэйлань улыбнулась. Она нежно вытерла кровь с лица Шэнь Ичань, коснулась губами её губ и тихим, но твёрдым голосом произнесла:

— Ичань, я послушаюсь тебя. Я буду жить... и всегда буду с тобой...

В просторном и безмолвном дворце несколько дворцовых фонарей тускло мерцали, а роскошная утварь и украшения тонули в тенях.

Молодой император Сяо Цзин, выслушав доклад Гу Хуайцина, стоял, заложив руки за спину,

долго молчал и наконец издал протяжный вздох.

— Не мог и подумать... что за этим убийством скрывается столь запутанная предыстория...

Смерть Шэнь Цзюньжу изначально опечалила Сяо Цзина. Ведь Шэнь Цзюньжу был его наставником долгие годы, и даже перед самой кончиной прежний император завещал ему в случае неразрешимых вопросов советоваться с первым помощником Шэнем.

В представлении Сяо Цзина Шэнь Цзюньжу был воплощением прямоты и благородства, талантливым учёным мужем и верным сановником, на которого можно положиться. Кто бы мог подумать, что тот окажется отъявленным лицемером, втайне совершавшим столько гнусных поступков, что довёл родную дочь до отцеубийства.

Что до Шэнь Ичань, хотя убийство отца — чудовищное преступление, её судьба и конец не могли не вызывать глубокого сожаления.

Сяо Цзин вспомнил, как в детстве, будучи ещё принцем, он часто навещал Шэнь Цзюньжу и играл с маленькой Шэнь Ичань. Та прелестная, словно фарфоровая куколка, умная и очаровательная девочка угасла в самом расцвете лет...

Гу Хуайцин украдкой взглянул на лицо императора. Он знал, что Сяо Цзин — человек глубоких привязанностей, всегда питавший к наставнику Шэнь Цзюньжу огромное уважение. Услышать такую правду, должно быть, было для него потрясением.

Гу Хуайцин достал из рукава учётную книгу и подал её Сяо Цзину:

— Это изъято из кабинета Шэнь Цзюньжу. Прощу Ваше Величество взглянуть.

Сяо Цзин принялся листать и с каждой страницей удивление его росло.

В книге были записаны баснословные богатства, накопленные Шэнь Цзюньжу: несметные количества золота, серебра и драгоценностей, а в его родном Цюаньчжоу — тысячи цинов плодородной земли. Состояние его можно было сравнить с казной целого государства.

Сяо Цзин вспомнил, как с детства Шэнь Цзюньжу внушал ему, что император должен быть образцом для всей Поднебесной и ни в коем случае не предаваться роскоши и разврату. Сяо Цзин верил ему и всегда придерживался бережливости. Как иронично, что его наставник жил куда пышнее, чем сам император.

При этой мысли последние остатки уважения к Шэнь Цзюньжу в сердце Сяо Цзина угасли. Он сжал учётную книгу и холодно произнёс:

— Как раз в Ляодуне идут тяжёлые бои, казна пуста, не хватает средств на армию. Состояние Дома Шэнь как раз восполнит недостачу.

— Ваше Величество мудры! — воскликнул Гу Хуайцин, а затем спросил:

— А как прикажете поступить с госпожой Се Хуэйлань?

Сяо Цзин вздохнул:

— Госпожа Се — тоже несчастная. Раз она не причастна к убийству, нам, правителю, негоже чинить препятствия слабой женщине. Если пожелает вернуться в родной дом — пусть возвращается. Захочет выйти замуж — пусть выходит.

— Принято к исполнению! — чётко ответил Гу Хуайцин.

Сяо Цзин с одобрением похлопал Гу Хуайцина по плечу:

— Кстати, Хуайцин, это твоё первое дело, а раскрыто столь блестяще. Ты действительно заставил меня взглянуть на тебя по-новому!

В обычное время Гу Хуайцин был бы рад похвале, но сейчас на его лице не было и тени радости. Он поднял глаза на Сяо Цзина:

— Раскрыть это дело — не моя единоличная заслуга. Дуань Минчэнь и Гвардия в парчовых халатах также приложили немало усилий.

Взгляд Сяо Цзина скользнул по лицу Гу Хуайцина, и он нахмурился:

— Эх, несколько дней не виделись, а ты, кажется, осунулся. Здоровье в порядке?

— Благодарю за заботу Вашего Величества. Со мной всё хорошо.

— Береги себя, не перетруждайся, — с участием сказал Сяо Цзин.

Гу Хуайцин почтительно согласился и покинул покои императора.

Дело о внезапной смерти первого помощника Шэня, расследованное совместно Гвардией в парчовых халатах и Восточной Оградой, одно время будоражило весь город, но в итоге было закрыто одной беглой фразой императора.

<http://bllate.org/book/16283/1466755>